

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	9
ЧАСТЬ I. Ночные бдения	25
ЧАСТЬ II. Его любимый наркотик	111
ЧАСТЬ III. Мне все равно	129
ЧАСТЬ IV. Если бы только...	179
ЧАСТЬ V. Лучше ничего не знать	243
Эпилог	311
Послесловие	324
Благодарности.	329
Источники	331
Благодарности правообладателям	334

Эта книга посвящается всем, кто отдает свою жизнь борьбе с зависимостями в реабилитационных центрах, больницах, исследовательских центрах, учреждениях социальной адаптации и общежитиях для бывших наркоманов, в организациях, занимающихся просвещением по вопросам наркозависимостей, и т. п. Она посвящается также мужественным и упорным людям, продолжающим посещать собрания бесчисленных групп в рамках программы «12 шагов», которые ежедневно проводятся во всех крупных и маленьких городах Соединенных Штатов и за их пределами. Эта книга — для них и их семей: для тех, кому близка история моей семьи, потому что они сами пережили или переживают нечто подобное, для родных и близких наркозависимых — детей, братьев, сестер, друзей, партнеров, мужей и жен, родителей вроде меня. «Беда в том, что ты просто не можешь помочь им, и это удручает», — писал Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Но на самом деле вы можете помочь им и друг другу. Так, вы помогли мне. И конечно, эта книга посвящается моей жене Карен Барбур и моим детям Нику, Джасперу и Дэйзи Шефф.

ВСТУПЛЕНИЕ

Так больно, что я не могу спасти его, защитить, не дать свернуть на плохую дорожку, уберечь от боли. Зачем тогда нужны отцы, если не для этого?

Т о м а с Л и н ч. Мы такие, какие есть

«Привет, па! Господи, как я скучаю по вам. Жду не дождусь, когда вас увижу. Остался всего один день!!! Ура!»

Это электронное письмо от Ника я получил вечером, накануне его возвращения домой из колледжа на летние каникулы. Восемилетний Джаспер и пятилетняя Дэйзи уже сидели за кухонным столом и вырезали, клеили и раскрашивали приветственные плакаты в честь его приезда. Целых шесть месяцев дети не виделись со старшим братом.

Утром я вышел во двор, чтобы поторопить их — пора было собираться в аэропорт. Дэйзи, мокрая и грязная, сидела высоко на ветке клена. Джаспер стоял внизу. «Отдай обратно, или будет плохо!» — грозил он ей.

«Нет, — ответила она. — Это мое». В ее глазах светилась отвага и упрямство, но когда Джаспер начал карабкаться на дерево, она бросила вниз фигурку Гэндальфа, за которой он охотился.

«Пора ехать за Ником», — сказал я, и они понеслись мимо меня в дом, скандируя: «Ни-ки, Ни-ки, Ни-ки!»

Дорога до аэропорта заняла полтора часа. Когда мы добрались до терминала, Джаспер закричал: «Вон он, Ник! — и показал рукой: — Там!»

Ник с перекинутой через плечо спортивной сумкой цвета хаки стоял, прислонившись к знаку «Парковка запрещена», на бордюре недалеко от зоны выдачи багажа компании United Airlines. Тощий, в выгоревшей красной футболке и кардигане своей подружки, мешковатые джинсы болтаются на костлявых бедрах, на ногах красные кеды-конверсы. Заметив нас, он расплылся в улыбке и помахал нам рукой. Дети хотели сидеть рядом с ним, поэтому, забросив сумки в багажник, он перелез через Джаспера и втиснулся между ними. По очереди расцеловывал их в щеки. «Здорово снова быть вместе, — сказал он. — Я так соскучился по вам, маленькие разбойники. Просто ужас». И, обращаясь к нам, добавил: «И по вам тоже, пап, мам».

Пока я выруливал с территории аэропорта, Ник рассказывал, как прошел полет. «Хуже не бывает. Я оказался рядом с теткой, которая болтала без умолку. У нее были платиновые волосы с вихрами, как на лимонном пироге с меренгами. Прямо Круэлла Девиль — очки в роговой оправе, губы сливового цвета и толстый слой розовой пудры». — «Круэлла Девиль?» — переспросил Джаспер, вытаращив глаза.

Ник кивнул. «Точно как она. Ресницы у нее были длинные, фиолетовые и явно ненастоящие, от нее несло парфюмом „вонючка“». Он зажал нос: «Жуть!» Дети пришли в полный восторг.

Мы ехали по мосту Золотые Ворота. Река густого тумана текла под нами, огибая полуостров Марин-Хедлендс. Джаспер спросил: «Ник, ты придешь на наш выпускной?» Джаспер в этом году перешел из второго класса в третий, а Дэйзи — из детского сада в первый класс.

— Не пропущу ни за что на свете, — ответил Ник.

Дэйзи спросила:

— Ник, помнишь ту девочку, Даниэлу? Она упала со шведской стенки и сломала палец на ноге.

— Да ты что!

— У нее теперь гипс, — добавил Джаспер.

— Гипс на пальце? — спросил Ник. — Должно быть, он совсем маюсенький.

Джаспер сообщил серьезным тоном: «Его разрежут ножовкой».

— Палец?

Все трое захихикали.

Через некоторое время Ник произнес:

— У меня для вас есть кое-что. В сумке.

— Подарки!

— Получите дома.

В ответ на все мольбы рассказать, что там такое, он только качал головой.

— И не проси, Джас. Это сюрприз.

Я видел всю троицу в зеркале заднего вида. У Джаспера и Дэйзи кожа ровного оливкового тона. У Ника она когда-то была такой же, но теперь его лицо кажется изможденным и напоминает по цвету рисовую бумагу. Глаза у детей карие, ясные, у него — как темные стеклянные шарики. Волосы малышей темно-каштановые, у Ника в детстве были светлые, длинные, а сейчас выгоревшие, как поле в конце лета, с охряными и желтыми прядями — последствия неудачной попытки мелирования при помощи хозяйственного отбеливателя.

— Ник, расскажешь нам историю о Пи Джи? — попросил Джаспер. Вот уже несколько лет Ник развлекал детей приключениями Пи Джи Фамблбамбла, английского детектива, которого сам же и выдумал.

— Чуть позже, мистер, обещаю.

По автостраде мы проехали на север, затем свернули с нее на запад, минув маленькие городки, лесистый национальный парк, холмистые пастбища. Остановились в городке Пойнт-Рейес-Стейшн, чтобы забрать почту. Невозможно, будучи в городе, не пересечься с десятком знакомых. Все они радовались Нику и набрасывались на него с вопросами об учебе и планах на лето. Наконец мы покинули город и по дороге, вьющейся вдоль речки Лагунитас-Крик (раньше Пейпермил-Крик), добрались до поворота налево, поднялись на холм и вырулили на подъездную аллею к дому.

— Мы тоже приготовили для тебя сюрприз, Ники, — сказала Дэйзи.

Джаспер бросил на нее строгий взгляд:

— Не вздумай ему рассказывать!

— Это плакаты. Мы сами их сделали.

— Ну Дэ-эй-зи-и...

Подхватив свои сумки, Ник пошел за детьми в дом. Собаки радостно атаковали его с лаем и поскуливанием. На верхней площадке лестницы Ника приветствовали детские баннеры и рисунки, в том числе нарисованный Джаспером ежик с надписью: «Я скучаю по Нику, хнык-хнык». Ник похвалил детские художества и поплелся в свою комнату, чтобы распаковать вещи. С тех пор как он уехал в колледж, его комната в дальнем конце дома, выкрашенная в ярко-красный цвет, служила еще одной игровой, в которой были выставлены творения Джаспера из конструктора «Лего», в том числе дворец махараджи и робот-дроид R2-D2. Готовясь к приезду Ника, Карен убрала «зверинец» Дэйзи — коллекцию мягких игрушек, застелила кровать теплым стеганым одеялом и положила новые подушки.

Ник вышел из комнаты, нагруженный подарками. Для Дэйзи — Жозефина и Кирстен, коллекционные куколки American Dolls от девушки Ника. Одна была наряжена в вышитую крестьянскую блузу и сарапе, другая — в зеленый бархатный джемпер. Джаспер получил пару здоровенных водяных пистолетов.

— После ужина, — предупредил Джаспера Ник, — ты так вымокнешь, что тебе придется возвращаться в дом вплавать.

— А ты так вымокнешь, что тебе понадобится лодка.

— А ты будешь мокрее самой размокшей лапши.

— А ты вымокнешь так, что сможешь обходиться без душа целый год.

Ник рассмеялся.

— Меня это устраивает, — сказал он. — Это сэкономит кучу времени.

Мы поужинали, после чего мальчишки зарядили водяные пистолеты, поспешили во двор, в сумерки ветреного вечера, и разбежались в разные стороны. Мы с Карен наблюдали за ними из гостиной. Выслеживая друг друга, Ник и Джаспер прятались среди итальянских кипарисов и дубов, подныривали под садовую мебель и ползали под прикрытием живой изгороди. Когда удавалось сделать точный выстрел, они поливали друг друга тонкими струйками воды. Дэйзи следила за ними, укрывшись за гортензиями в горшках, расставленных у дома. Когда ребята пробежали мимо, она одной рукой открыла водопроводный кран, а другой направила на них садовый шланг и окатила их водой.

Я остановил мальчишек в тот момент, когда они собирались схватить ее. «Ты, конечно, не заслуживаешь спасения, — сказал я ей, — но уже пора идти спать».

Джаспер и Дэйзи приняли ванну, надели пижамы и попросили Ника почитать им. Тот сел на маленький диванчик между их кроватями, вытянув длинные ноги, и стал читать книгу «Ведьмы» Роальда Даля. Из соседней комнаты мы слышали его голос, точнее голоса: голос мальчика-рассказчика, удивленный и серьезный; недовольный и скрипучий голос Бабушки и неприятный визгливый голос Величайшей Самой Главной Ведьмы.

«Дети гадкие и испорченные!.. Дети грязные и вонючие!.. От них несет собачьими какашками!.. Они хуже, чем собачьи какашки! По сравнению с детьми собачьи какашки пахнут фиалками и примулами!»

От представлений, которые разыгрывал Ник, всегда невозможно было оторваться, и дети слушали его как зачарованные.

В полночь наконец разразилась давно собиравшаяся гроза. Лил сильный дождь, и град пулеметными очередями молотил по медной черепице крыши. У нас редко случаются грозы с молниями, но в эту ночь небо как будто озарялось фотовспышками.

Между раскатами грома было слышно, как поскрипывают ветви деревьев. Еще я слышал шаги Ника в коридоре, слышал, как он готовит себе чай в кухне, тихо пощипывает струны гитары, наигрывая что-то из репертуара Бьорк, из болливудских фильмов и из песен Тома Уэйтса с его весьма разумным советом: «Если ты умер, не садись за руль». Меня беспокоила бессонница Ника, но я гнал прочь подозрения, напоминая себе, какой большой путь он проделал по сравнению с прошлым учебным годом, когда его отчислили из Беркли. На этот раз

он уехал в колледж на востоке страны и все-таки окончил первый курс. Учитывая то, что нам пришлось пережить, это просто какое-то чудо. По моим подсчетам, пошел уже 150-й день, как он держится без метамфетамина.

Утром гроза стихла, солнце засверкало на мокрых листьях клена. Я оделся и присоединился к Карен и малышам, которые завтракали на кухне. Шаркая ногами, вошел Ник, в фланелевых пижамных штанах, потрепанном шерстяном свитере и в очках-рентгенах. Он подошел к кухонной стойке и стал возиться с кофеваркой — налил воду, насыпал кофе, поставил на огонь, а затем уселся за стол рядом с Джаспером и Дэйзи и принялся за свои хлопья.

— Дэйзи, — сказал он. — Атака со шлангом — блестящая идея, но я собираюсь отплатить тебе за это. Не забывай оглядываться.

Она вывернула шею, пытаясь заглянуть за спину.

— Я ничего не вижу.

— Люблю тебя, чудачка.

Вскоре после того, как Дэйзи и Джаспер отправились в школу, к нам пришли несколько женщин, чтобы помочь Карен с подготовкой прощального подарка для одной всеми любимой учительницы. Они стали украшать массивную купальню для птиц ракушками, отполированными камешками и керамическими плитками, сделанными вручную самими учениками. За работой они болтали и пили чай.

Я укрылся в кабинете.

Позже женщины устроили перерыв на ланч на открытой кухне. Одна из них принесла китайский салат с курицей. Ник, который после завтрака ушел досыпать, появился из своей комнаты, стряхивая остатки сна, и поздоровался со всеми. Он вежливо ответил на вопросы — снова про колледж и планы на лето, — а затем извинился и сказал, что должен ехать на собеседование.

Я слышал, как после ухода Ника матери обсуждали его.

«Какой милый мальчик».

«Замечательный».

Одна из них отметила его хорошие манеры. «Вам очень повезло, — сказала она Карен. — Наш сын-подросток только и знает, что бухтеть и огрызаться. По-другому он с нами не общается».

Часа через два Ник вернулся — в доме уже было тихо: мамыши, закончив свою мозаику, разошлись по домам. Он получил работу официанта в итальянском ресторане. Завтра пойдет на инструктаж. Правда, Ник был в ужасе от требования носить униформу — тесные

черные ботинки и бордовый жилет, но ему сказали, что зато он сможет заработать кучу денег в виде чаевых.

На следующий день после стажировки Ник практиковался на нас, изображая официанта — персонажа одного из его любимых мультфильмов, «Леди и бродяга». Когда мы сели ужинать, он вошел в комнату, держа над головой воображаемый поднос и напевая с мелодичным итальянским акцентом: «О, эта ночь, прекрасная ночь, эту ночь мы называем *bella notte*».

После ужина Ник попросил одолжить ему машину, чтобы поехать на собрание анонимных алкоголиков. Поскольку он неоднократно попадал в неприятные переделки — включая инцидент, когда он разбил обе наши машины за один раз (управляя одной, врезался в другую), его лишили привилегии сидеть за рулем. Но сейчас его просьба звучала вполне разумно. Посещение собраний анонимных алкоголиков входило в обязательную часть курса реабилитации, и мы согласились. Он взял наш универсал, на котором все еще виднелись следы прошлых аварий. После собрания он дисциплинированно вернулся домой и рассказал, что попросил кое-кого стать его наставником на время пребывания в городе.

Назавтра он снова попросил машину. На этот раз — чтобы съездить пообедать с этим наставником. Конечно, я разрешил. На меня произвело впечатление то, с каким старанием он соблюдал установленные нами правила. Он рассказывал нам, куда идет и когда будет дома, и всегда возвращался вовремя. Вот и в этот раз приехал домой спустя каких-то пару часов.

На следующий день ближе к вечеру мы сидели в гостиной у горящего камина. Карен, Ник и я читали, устроившись на диванах, а Джаспер и Дэйзи играли с человечками из конструктора «Лего» на выцветшем ковре. Оторвав взгляд от своего персонажа, Дэйзи рассказала Нику о «противном тупом» мальчишке, который толкнул ее подружку Алану. Ник пообещал прийти в школу и размазать по стенке этого «подлого придурка».

Чуть позже я с удивлением услышал, как Ник тихо похрапывает. Но без четверти семь он проснулся, словно от толчка. Взглянув на часы, он вскочил со словами: «Чуть не пропустил собрание!» — и снова попросил одолжить ему машину.

Меня радовало, что, несмотря на усталость и на то, что он с удовольствием проспал бы до утра, Ник ответственно относился к реабилитации: он нашел в себе силы встать, ополоснул лицо водой, откинул руками волосы, падающие на глаза, натянул свежую футболку и выбежал из дома, боясь опоздать.

Когда пробило одиннадцать, Ника все еще не было. Я очень устал за день, но лежал в постели без сна, и мое беспокойство росло. Мне приходил на ум миллион совершенно безобидных объяснений. Часто после собрания люди идут куда-нибудь выпить кофе. А может быть, он болтает со своим новым наставником. В голове у меня спорили два голоса: один убеждал меня, что я дурак и параноик, другой был уверен, что случилось нечто ужасное. По опыту я знал, что беспокоиться нет смысла, но тревога вспыхивала помимо моей воли и не отпускала. Мне не хотелось предполагать худшее, но в прошлом, когда Ник нарушал «комендантский час», это часто предвещало беду.

Я лежал, вглядываясь в темноту, и моя тревога росла. Печально, но это состояние стало привычным. Вот так я ждал Ника годами. Вечерами, когда он не возвращался к оговоренному часу, я ждал, когда раздастся скрежет машины, вырulingивающей на подъездную дорожку. Потом наступала тишина. Ну наконец. Хлопала дверца машины, слышались шаги, щелчок открываемой входной двери. Несмотря на попытки Ника пробраться незаметно, шоколадный лабрадор Брут обычно встречал его тихим тьякнъем. Или же я ждал, когда зазвонит телефон, но никогда не был уверен, что это Ник («Привет, па, как дела?»), а не полиция («Мистер Шефф, ваш сын у нас»). Всякий раз, когда он задерживался или не звонил, мне казалось, что произошла трагедия. Он мертв. Всегда — мертв.

Но потом Ник появлялся, крадучись поднимался по лестнице на второй этаж, скользя рукой по перилам. Или раздавался звонок. «Прости, пап, я у Ричарда. Я заснул. Думаю, лучше здесь остаться, не хочется ехать домой в такую поздноту. Увидимся утром. Люблю тебя». Я чувствовал и ярость, и облегчение, потому что мысленно успевал похоронить его.

В этот раз я задремал, так и не дождавшись Ника. Где-то в час ночи меня разбудила Карен. Она услышала, как он прокрадывается в дом. На заднем дворе вспыхнул садовый светильник с детектором движения. Прямо в пижаме я влез в ботинки и вышел через заднюю дверь, чтобы встретить сына.

На улице было свежо. В кустах затрещали ветки. Я завернул за угол и нос к носу столкнулся с огромным испуганным оленем, который тут же умчался прочь, легко перемахнув через изгородь.

Я вернулся в постель, и мы с Карен снова стали маяться, не в силах заснуть.

Полвторого ночи. Два. Я опять проверил его комнату.

Полтретьего.

Наконец мы слышали шум машины.

Я встретил Ника на кухне, он бормотал какие-то извинения. Я сказал, что больше не дам ему машину.

— Ну и ладно.

— Ты под кайфом? Скажи честно.

— Господи! Нет.

— Ник, у нас был уговор. Где ты был?

— Какого черта? — произнес он, глядя в пол. — После собрания мы зашли к одной девчонке, трепались, смотрели видео.

— А телефона там не было?

— Да понятно, понятно, — сказал он, начиная злиться. — Я же извинился.

Он скрылся в своей комнате, хлопнув дверью и заперев ее изнутри, а я бросил ему вслед: «Поговорим утром».

За завтраком я пристально наблюдал за Ником. Его тело, вибрирующее, как машина на холостом ходу, выдавало его с головой. Челюсть ходила ходуном, замутненный взгляд метался из стороны в сторону. Ник обсуждал с Джаспером и Дэйзи, чем заняться после школы, нежно обнимал их, но в голосе его слышались нотки раздражения.

Когда Карен с детьми уехали, я начал:

— Ник, нам надо поговорить.

Он бросил на меня настороженный взгляд:

— О чем?

— Я знаю, что ты снова подсел на наркоту. Это видно.

Он раздраженно посмотрел на меня:

— О чем ты говоришь? Ничего подобного.

И опустил глаза.

— Тогда ты не будешь против теста на наркотики?

— Да пожалуйста. Мне пофиг.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты сделал это прямо сейчас.

— Ладно!

— Одевайся.

— Я понимаю, что нужно было позвонить. Не употребляю я!

Он почти сорвался на крик.

— Пошли.

Он поспешно ушел в свою комнату. Закрыл дверь. Появился, одетый в футболку с надписью Sonic Youth и черные джинсы: одна рука в кармане, голова опущена, на плече болтается рюкзак. Другой рукой он держал за гриф свою электрогитару. «Ты прав, — сказал он, протираясь мимо меня. — Я употребляю все время, как приехал домой. И наркоманил весь семестр». Он ушел из дома, хлопнув дверью.

Я выбежал из дома, крича его имя, но он уже скрылся из виду. После минутного замешательства я вернулся в дом, вошел в его комнату и опустился на неубранную постель. Поднял валяющийся под столом скомканный листок бумаги. На нем Ник написал:

Я доходяга, и я это знаю.

Мне помогла бы дорожка-другая.

Днем вернулись из школы Джаспер и Дэйзи. Они ворвались в дом, начали носиться из комнаты в комнату и наконец устали на меня снизу вверх: «А где Ник?»

Я перепробовал все что можно, чтобы не дать сыну впасть в метамфетаминую зависимость. Вряд ли мне было бы легче, если бы он подсел на героин или кокаин, но каждый родитель метамфетаминowego наркомана вскоре узнаёт, что этот наркотик обладает особенно чудовищными свойствами. Стефан Дженкинс, певец из группы Third Eye Blind, признался в одном интервью, что метамфетамин дает ощущение «яркости и блеска». Наряду с этим он делает человека опасным, деструктивным параноиком, лишает всех иллюзий и ведет к саморазрушению. Потом ты начинаешь совершать какие-то немыслимые поступки, чтобы снова почувствовать себя яркой и блестящей личностью. Ник всегда был чутким, тонким, пронизательным, невероятно сообразительным и жизнерадостным ребенком, но метамфетамин изменил его до неузнаваемости.

В своих увлечениях Ник всегда был на острие популярных трендов: в разное время это были «Заботливые мишки», «Щенки из приюта», «Мой маленький пони», «Микромашинки», «Трансформеры», «Хи-Мен и принцесса Ши-Ра», «Черепашки-ниндзя», «Звездные войны», «Нинтендо», группа Guns N'Roses, стиль гранж, Бек и многое другое. С метамфетамином он тоже оказался в первых рядах. Его зависимость развилась за несколько лет до того, как политики объявили этот наркотик худшим злом, которое только могло обрушиться на нацию. В Соединенных Штатах метамфетамин пробова­ли не менее двенадцати миллионов граждан и, по некоторым оценкам, более полутора миллионов являются метамфетаминowymi наркоманами. В мире насчитывается более тридцати пяти миллионов человек, прочно сидящих на этом наркотике. Считается, что он вызывает более сильную зависимость, чем героин и кокаин вместе взятые. Ник утверждал, что искал мет всю свою жизнь. «Когда я попробовал его в первый раз, — говорил он, — сразу понял: это то, что надо».

История нашей семьи одновременно уникальна и универсальна — в том смысле, что все истории о наркозависимости перекликаются друг с другом. Я понял, насколько мы все похожи, когда впервые попал на собрание группы анонимных алкоголиков. Долгое время я отказывался идти туда, но, несмотря на то, что, слушая истории людей, я часто не мог удержаться от слез, эти встречи укрепили мой дух и смягчили чувство изолированности. Ситуация стала казаться мне не такой отчаянной. Кроме того, истории, рассказанные другими членами группы, подготовили меня к испытаниям, которые иначе застали бы меня врасплох. Эти собрания не стали панацеей, тем не менее я был благодарен за то, что почувствовал себя немного лучше и получил какие-никакие практические советы.

Я изо всех сил старался помочь Нику, спасти его, удержать от падения в пропасть. Это стремление, вместе с чувством вины и тревогой, полностью поглотило меня. Поскольку я писатель, ничего удивительного, что я стал писать, пытаюсь разобраться в том, что с нами происходит, и найти решение проблемы, некое средство исцеления, которое я упустил. Я как одержимый с головой ушел в поиски информации об этом наркотики, зависимости и методах лечения. Я не первый писатель, для которого творчество стало своего рода дубиной, помогающей сражаться со страшным врагом, и вместе с тем попыткой ухватиться за что-нибудь (что угодно) понятное в этой катастрофической ситуации, мучительным процессом осмысления переживаний и эмоций, переполнявших мой мозг. В конечном счете все мои усилия не смогли спасти Ника. Да и меня мои писания тоже не исцелили, хотя и были полезны.

Труды других авторов в чем-то помогли. Всякий раз, когда я доставал с полки книгу Томаса Линча «Тела в движении и в покое: Метафора и смерть» (*Bodies in Motion and at Rest: On Metaphor and Mortality*), она сама собой открывалась на странице 95, на эссе «Мы такие, какие есть». Я прочел его десятки раз, и каждый раз не мог сдержать слез. Когда его ребенок лежал без сознания, после всех арестов, ночей, проведенных в вытрезвителе, и госпитализаций, Линч, гробовщик, поэт и эссеист, смотрел на своего любимого сына-наркомана с печалью и покорностью судьбе. Позже он написал: «Я хочу запомнить его таким, каким он был: умным и улыбчивым мальчиком с голубыми глазами и веснушками, как на фотографиях, где он держит судака, стоя на причале вместе с дедом, или где он одет в свой первый костюм перед школьным выпускным своей сестры, или где, посасывая большой палец, рисует, сидя за кухонным столом, или играет на своей первой гитаре, или позирует вместе с соседскими ребятами в день, когда пошел в первый класс».

Почему так помогает чтение чужих историй? Дело не в том, что несчастье любит компанию. По собственному опыту я понял, что несчастные люди слишком погружены в свои страдания, чтобы нуждаться в обществе посторонних. Опыт и переживания других людей помогли мне справиться с эмоциональным хаосом: читая их истории, я уже не чувствовал себя полным психом. И, как и в случае с откровениями, которые я слышал на собраниях анонимных алкоголиков, эти исповеди послужили своего рода компасом в неизведанных водах. Томас Линч показал мне, что можно любить ребенка, которого ты потерял, может быть, навсегда.

Мои попытки осмыслить происходящее вылились в написание статьи о том, что пережила наша семья, для *New York Times Magazine*. Мне было страшно, что о наших кошмарных буднях узнают чужие люди, но я был просто обязан это сделать. Мне казалось, что если я обнаружю нашу историю, то таким образом мне удастся хоть кому-нибудь помочь, как мне помогли Линч и другие авторы. Я обсудил это с Ником и другими членами семьи. Несмотря на их поддержку и одобрение, я чувствовал себя неуютно, выставляя нашу жизнь на суд широкой публики. Однако реакция читателей на статью ободрила и воодушевила меня, а Нику, по его словам, придала смелости. С ним связался редактор издательства и поинтересовался, не хочет ли он написать воспоминания о своем опыте, которые помогли бы вселить надежду в молодых людей, пытающихся побороть наркозависимость. Ник с энтузиазмом отнесся к этому предложению. На собрании анонимных алкоголиков, которые он в то время посещал, его друзья и даже незнакомые люди, узнав, что он и есть герой статьи, обнимали его и говорили, как сильно им гордятся. Он сказал, что это было яркое выражение признания и одобрения той тяжелой работы, которую он проделал.

Я также получил много отзывов от самих наркозависимых и их родных — братьев и сестер, детей и других родственников, прежде всего родителей. Они приходили сотнями. Кое-кто был настроен критически. Один корреспондент обвинил меня в эксплуатации Ника в собственных целях. Другой, возмущенный коротким эпизодом из нашей жизни, заявил: «Вы позволяли ему надевать одежду задом наперед? Неудивительно, что он стал наркоманом». Однако большинство писем содержали слова сочувствия, утешения, понимания, и в основном их авторы делились своим горем. Многим казалось, что наконец-то нашелся кто-то, кто понимает, что им приходится переживать. Оказалось, несчастье все-таки любит компанию: людям становится легче, когда они понимают, что не одиноки в своих страданиях, что все мы оказались ввергнуты в пучину настоящего социального бедствия — эпидемии,

охватившей детей и затронувшей целые семьи. По какой-то причине история незнакомого человека как бы давала им разрешение рассказать и собственную историю. Им казалось, что я должен понять их, и я действительно их понимал.

«Я сижу и плачу, мои руки дрожат, — написал один из корреспондентов. — Вашу статью мне передали вчера на еженедельной встрече отцов, потерявших своих детей. У человека, передавшего мне статью, три года назад от наркотиков умер шестнадцатилетний сын».

«Ваша история — это и наша история, — написал другой отец. — Разные наркотики, разные города, разные реабилитационные центры, но история одна и та же».

И еще письмо: «Поначалу я испугался, что кто-то, не спросив разрешения, описал историю моего ребенка. Однако, прочитав до середины текст с очень эмоциональным описанием событий и их неизбежных последствий, я понял, что даты не совпадают, и, таким образом, должен был признать, что и другие родители переживают такие же уму непостижимые трагедии и потери, как и я... Личный опыт, приобретенный за четверть века, заставляет меня изменить последний абзац в вашей статье: „Сбежав из последнего реабилитационного центра, мой сын чуть не умер от передоза. Его отправили в другой город на лечение по специальной программе, и он не притрагивался к наркотикам почти два года. Затем снова начал исчезать из дома, отсутствуя иногда по несколько месяцев, иногда по несколько лет. Несмотря на то что он был одним из лучших учеников школы с самым высоким рейтингом в стране, ему понадобилось двадцать лет, чтобы закончить весьма средний колледж. И столько же времени понадобилось мне, чтобы отказаться от несбыточных надежд и признать, что мой сын не может или не хочет завязать с наркотиками. Сейчас ему сорок, он сидит на пособии и живет в общежитии для взрослых наркоманов“».

Было много и других писем с невыразимо трагическими финалами. «У нашей истории другой конец. Мой сын скончался от передозировки в прошлом году. Ему было семнадцать». Другое письмо: «Моей красавицы-дочки больше нет. Ей было пятнадцать, когда она умерла от передозировки». И еще: «Моя дочь умерла», «Мой сын умер». Письма и электронные сообщения всё еще приходят, врываясь в повседневную рутину жизни как напоминание о бесконечной череде жертв наркозависимости. И с каждым из них мое сердце вновь обливается слезами.

Я продолжал писать, и в результате этого мучительного процесса в моем восприятии нашего опыта забрезжил какой-то смысл,

насколько вообще можно говорить о смысле применительно к наркозависимости. Это привело к созданию книги, которую вы держите в руках. Складывая отдельные случайные слова в предложения, предложения в абзацы, а абзацы в главы, я видел, как вместо хаоса и безумия появляется какая-то видимость порядка и здравого смысла. Как и в случае со статьей в *New York Times Magazine*, мне страшно публиковать нашу историю. Но при неустанной поддержке со стороны моих издателей я продолжаю двигаться дальше.

У нас сейчас нет недостатка в захватывающих воспоминаниях людей, страдающих зависимостью, и лучшие из них станут откровением для тех, кто переживает за своих любимых. Надеюсь, что книга Ника войдет в их число. Однако же, за редким исключением вроде эссе Линча, у нас нет книг, рассказывающих о судьбах родных и близких наркоманов. Любой, кто прошел или проходит этот путь, знает, что работа о наркозависимом — процесс не менее сложный, напряженный и изнуряющий, чем сама зависимость. В худшие моменты я даже негодовал и обижался на Ника, потому что наркоман, приняв дозу, испытывает хотя бы кратковременную передышку от своих страданий. Но родителям, или детям, или мужьям, или женам, или другим близким людям недоступно даже это.

Ник периодически то бросал, то вновь подсаживался на наркотики на протяжении десяти лет, и в то время мне казалось, что я перечувствовал, передумал и перепробовал практически все, что только может перечувствовать, передумать и предпринять родитель наркомана. Но даже сейчас я понимаю, что для членов семей наркозависимых не существует единого верного решения, нет даже четкой и понятной дорожной карты. Однако я надеюсь, что в нашей истории вы найдете некоторое утешение, какие-то полезные рекомендации или, в крайнем случае, хотя бы почувствуете себя в компании товарищей по несчастью. Я также надеюсь, что читатели смогут заметить какие-то странности, тревожные признаки, сигнализирующие о первых стадиях зависимости у близкого человека. Часто цитируют высказывание Ницше «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Это абсолютно справедливо по отношению к родным наркозависимого. Вот я, например, не только выстоял, но теперь знаю и понимаю больше, чем когда-то мне казалось возможным.

Рассказывая нашу историю, я не поддался искушению давать прогнозы, поскольку было бы нечестно внушать кому-либо мысль, что можно заранее определить, как будут развиваться события (тем самым я оказал бы читателям медвежью услугу). Я, например, никогда не знал, что принесет завтрашний день.

Я добросовестно старался включить в книгу все самые важные события, которые сформировали Ника и нашу семью: и хорошие, и неприглядные. О многом невозможно вспоминать без содрогания. Меня одинаково приводит в ужас и многое из того, что я делал, и то, чего я не сделал. Вопреки экспертам, которые сочувственно утешают родителей наркоманов словами: «Это не ваша вина», — я не мог отпустить себя, снять с себя ответственность. Часто мне казалось, что я упустил своего сына. Делая это признание, я не ищу сочувствия или отпущения грехов, а просто констатирую факт, с которым согласится большинство родителей, прошедших через подобные испытания.

Кто-то, узнав мою историю, с недоумением заметит: «Но ваша семья не производит впечатления неблагополучной». Мы неблагополучны — как и все знакомые мне семьи. В чем-то больше, в чем-то меньше. Не уверен, что знаю какую-нибудь «благополучную» семью, если таковой считать семью, которая никогда не переживала трудные времена, а ее членам не приходилось справляться с целым ворохом проблем.

Как и сами наркозависимые, их семьи могут быть какими угодно: и такими, которые соответствуют вашим представлениям, и такими, о которых ничего плохого и не подумаешь. Наркоманы могут появиться как в распавшейся, так и в полной семье. Они могут быть и хроническими неудачниками, и в высшей степени успешными людьми. На лекциях или собраниях групп Ал-Анон* или анонимных алкоголиков мы часто узнаем об интеллигентных, образованных и обаятельных мужчинах и женщинах, которые совершенно неожиданно для окружающих заканчивают свои дни в нищете. «Вы слишком хороши, чтобы сотворить с собой такое», — говорит врач алкоголику в одном из рассказов Фицджеральда. Многие из тех, кто хорошо знал Ника, высказывались в том же духе. Один из них сказал: «Меньше всего можно было ожидать, что это случится именно с ним. Только не с Ником. Он слишком уверен в себе и слишком умен».

Я также знаю, что у родителей избирательная память, которая блокирует все, что идет вразрез с нашими тщательно отредактированными приятными воспоминаниями. Вполне понятная попытка заглушить вину. Дети же, наоборот, часто закликаются на мучительных неизгладимых воспоминаниях. Надеюсь, что я не впадаю в родительский ревизионизм, заявляя, что, несмотря на развод с матерью Ника, несмотря

* Семейные группы Ал-Анон — содружество родственников и друзей алкоголиков, которые делятся друг с другом своим опытом, чтобы решить общие проблемы.
Прим. ред.

на драконовские условия опеки на расстоянии и несмотря на все мои недостатки и ошибки, детство Ника было чудесным. И Ник подтверждает это, хотя, быть может, он просто старается быть добрым к нам.

Это перекраивание прошлого в попытках найти хоть какой-нибудь смысл в том, что лишено смысла, — типичное занятие для семей наркоманов, но мы делаем не только это. Мы отрицаем серьезность проблемы, с которой столкнулся близкий человек, и не потому, что мы так наивны, а потому, что у нас не хватает знаний. Даже те, кто, в отличие от меня, никогда не употреблял наркотики, должны осознать тот неоспоримый факт, что многие дети — точнее, более половины из них — рано или поздно обязательно их попробуют. (Ежедневно шесть тысяч детей в Соединенных Штатах делают это в первый раз.) В некоторых случаях наркотики не оказывают серьезного негативного влияния на их жизнь. Для других же последствия будут катастрофическими. У нас, родителей, плавятся мозги от попыток найти выход, мы делаем все, что в наших силах, консультируемся со всевозможными специалистами, но иногда этого все равно недостаточно. Только после свершившегося факта мы понимаем, что сделали не все, что могли, или сделали, но не то. Наркозависимые — и вместе с ними их близкие — не желают признавать очевидное, поскольку часто правда оказывается слишком невероятной, слишком мучительной и страшной. Однако такое отрицание, будучи весьма типичным, несет в себе опасность. Как бы мне хотелось, чтобы в свое время меня кто-то как следует встряхнул и сказал: «Вмешайся, пока еще не поздно». Возможно, это ничего бы не исправило, но кто знает? Ведь никто не встряхнул меня и не сказал эти слова. И даже если бы кто-то это сделал, то, вполне возможно, я бы просто его не услышал. Может быть, мне было уготовано судьбой учиться на собственном горьком опыте.

Подобно многим из тех, кто оказался в аналогичном положении, у меня развилась зависимость от зависимости моего ребенка. Я полностью погрузился в проблемы Ника и считал свое поведение совершенно оправданным, хотя это шло во вред моим обязательствам перед женой и другими детьми. Разве может родитель остаться в стороне, когда его ребенок ведет борьбу не на жизнь, а на смерть? Но постепенно я понял, что мое чрезмерное участие и беспокойство никак не помогали и даже, может быть, вредили ему. Или ему это просто было безразлично. Как бы то ни было, это наверняка навредило всей семье — да и мне самому. Наряду с этим открытием я получил и еще один, неожиданный и поразительный урок: наши дети будут жить и умирать — хоть с нами, хоть без нас. Что бы мы ни делали, какие бы отчаянные усилия

ни предпринимали, мы не можем решать за наших детей — жить им или умереть. Осознание этой истины шокирует, опустошает, но и приносит освобождение. В конце концов я принял решение, как жить дальше. Я выбрал рискованный, но единственно верный путь, который позволил мне принять тот факт, что Ник сам будет решать, как распорядиться своей жизнью — или смертью.

Как я уже говорил, я «отпустил» себя, но до сих пор мучительно пытаюсь решить, в какой степени я могу «отпустить» Ника. Когда он не употребляет, это умнейший, замечательный, харизматичный, любящий парень, но, как и все наркоманы, насколько мне известно, он превращается в совершенного незнакомца, когда вновь подсаживается на наркотики, — отчужденного, вздорного, глупого, склонного к саморазрушению, сломленного духом и опасного. Я изо всех сил старался примирить эти два образа. Какой бы ни была причина: генетическая предрасположенность, моя неспособность защитить его, моя снисходительность или жесткость, моя незрелость или все это вместе, — зависимость Ника, казалось, жила своей жизнью. В этой книге я попытался показать, как коварно, исподволь зависимость проникает в семью, постепенно завладевает ею и начинает править бал. Сколько раз в последние десять лет я совершал ошибки по незнанию, из-за пустых надежд или страха. Я постарался припомнить все эти случаи в надежде на то, что читатели смогут распознать неверный путь, прежде чем ступят на него. А если нет, я все же надеюсь, что они не станут себя винить за свой выбор.

Когда мой сын появился на свет, невозможно было даже представить, что ему придется перенести столько страданий, сколько выпало на долю Ника. Родители всегда желают только лучшего для своих детей. Я был самым обычным родителем, которому казалось, что с нами такого просто не может случиться, только не с моим сыном. Но Ник, несмотря на свою уникальность, такой же ребенок, как и любой другой. Он мог бы быть и вашим сыном.

И наконец, должен предупредить, что я изменил кое-какие имена и детали, чтобы не разглашать личности некоторых упомянутых здесь людей. Я начну с того дня, как Ник родился. Рождение ребенка для многих (если не для всех) семей — переломный момент в жизни, полный радости и оптимизма. Таким этот день был и для нас.